

ИВАНОВО ДЕТСТВО

До смерти отца княжич Иван жил на женской половине терема под надзором боярынь, кормилиц и нянек. В три года его образ жизни изменился. Отныне он должен был участвовать во всех церемониях, требовавших присутствия монарха. Опекуны не позаботились о том, чтобы переделать трон, который был слишком велик и неудобен для мальчика.

Свою первую аудиенцию трехлетний Иван дал гонцам крымского хана. После приема он «подавал им мед». В шесть лет князь принимал литовских послов и произнес несколько слов, предписанных церемониалом. Однако на пирах в честь послов мальчик отсутствовал. Литовцам объяснили, что великому князю «будет стол в истому».

При жизни Василия III и после его кончины главной боярыней при наследнике состояла Аграфена, вдова боярина Василия Андреевича Челяднина. Отец боярина Василия Андрей, а затем брат Василия Иван были первыми, кто получил от Ивана III высший чин конюшого боярина.

Елена Глинская доверяла Аграфене Челядниной. Ее брат Овчина стал конюшим. В 1536 г. Аграфена вместе с Овчиной сопровождала Ивана IV в его первой поездке на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. В следующем году на посольском приеме «ходил у великого князя в дяди место» Иван Иванович Челяднин. Еще через два года дядька получил титул конюшого. Обязанности дядьки были разнообразными. Челяднин был воспитателем наследника. Вероятно, именно он начал знакомить его с книжной премудростью. После смерти матери княжич Иван лишился привычного окружения.

С гибелью Андрея Старицкого старшим среди опекунов стал князь Василий Васильевич Шуйский. Этот боярин, которому было более 50 лет, женился на царевне Анастасии, двоюродной сестре Ивана IV. Став членом великокняжеской семьи, князь Василий захотел устроить жизнь, приличную его новому положению. Со старого подворья он переехал жить на двор Старицких.

Царь Иван говаривал, будто князья Василий и Иван Шуйские самовольно приблизились к его особе и «так воцаришася». Но так ли было в действительности? Ведь Шуйские стали опекунами малолетнего Ивана по воле великого князя!

Будучи членами одной из самых аристократических русских фамилий, Шуйские не пожелали делить власть с теми, кто приобрел влияние благодаря личному расположению Василия III. Раздор между «принцами крови» (так Шуйских называли иностранцы) и старыми советниками Василия III (боярами Юрьевым, Тучковым и думными дьяками) разрешился смутой. Через полгода после смерти правительницы Шуйские захватили ближнего дьяка Федора Мишурина и предали его казни. Вскоре же они довершили разгром семибоярщины, начатый Еленой. Боярин и регент Тучков отправился в ссылку в деревню. Его двоюродный племянник Юрьев прожил менее года после описанных событий. Ближайший союзник Тучкова в думе боярин Иван Бельский подвергся аресту и попал в тюрьму. Торжество Шуйских довершено было низложением митрополита Даниила, сподвижника Василия III. Расправившись со своими противниками, Василий Шуйский присвоил себе стародавний титул боярина «наместника на Москве».

Победа Шуйских была полной, но кратковременной. Старый князь Василий умер в самый разгар затеянной им смуты. Он пережил Мишурина на несколько недель. Младший брат Иван Шуйский не обладал ни авторитетом, ни опытом старшего. В конце концов он рассорился с остальными боярами и перестал ездить ко двору. Противники Шуйских воспользовались этим, выхлопотали прощение Ивану Бельскому и вернули его в столицу, а Ивана Шуйского послали во Владимир с

полками. Однако в результате переворота в 1542 г. опекун вернул себе власть. С помощью своих сторонников в думе он низложил митрополита Иоасафа, а князя Бельского сослал на Белое озеро.

Когда князь Иван, последний из душеприказчиков Василия III, умер, во главе партии Шуйских стал князь Андрей Шуйский. В то время великому князю Ивану исполнилось тринадцать лет.

Иван потерял отца в три года, а в семь с половиной лет остался круглым сиротой. Его четырехлетний брат Юрий не мог делить с ним детских забав. Ребенок был глухонемым от рождения. Достигнув зрелого возраста, Иван не раз с горечью вспоминал свое детство. Чернила его обращались в желчь, когда он описывал обиды, причиненные ему — заброшенному сироте — боярами. Жалобы царя столь впечатляющи, что их обаянию поддались историки. На основании царских писем В.О. Ключевский нарисовал знаменитый психологический портрет Ивана-ребенка. В душу сироты, писал он, рано и глубоко врезалось чувство брошенности и одиночества. Безобразные сцены боярского своеволия и насилий, среди которых рос Иван, превратили его робость в нервную пугливость. Ребенок пережил страшное нервное потрясение, когда бояре Шуйские однажды на рассвете вломилась в его спальню, разбудили и испугали его. С годами в Иване развились подозрительность и глубокое недоверие к людям.

Насколько достоверен образ Ивана, нарисованный рукой талантливого художника? Чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить, что Иван до семи лет рос, окруженный материнской лаской, а именно в эти годы сформировались основы его характера. Опекуны, пока были живы, не вмешивали ребенка в свои распри, за исключением того случая, когда приверженцы Шуйских арестовали в присутствии Ивана своих противников, а заодно и митрополита Иоасафа. Враждебный Шуйским летописец замечает, что в 1542 г. в Москве произошел мятеж и «государя в страховании учиниша». Царь Иван дополнил летописный рассказ. При аресте митрополита бояре «с шумом»

приходили к государю в постельные хоромы. Мальчика разбудили «не по времени» — за три часа до света — и петь «у крестов» заставили. Ребенок даже не подозревал, что на его глазах произошел переворот. В письме к Курбскому царь не вспомнил о своем мнимом «страховании» ни разу, а о низложении митрополита упомянул мимоходом и с полным равнодушием: «да и митрополита Иоасафа с великим бесчестием с митрополии согнаша». Как видно, царь попросту забыл сцену, будто бы испугавшую его на всю жизнь. Можно думать, что непосредственные ребяческие впечатления, по крайней мере лет до 12, не давали Ивану никаких серьезных оснований для обвинения бояр в непочтительном к нему отношении.

Поздние сетования Грозного производят странное впечатление. Кажется, что Иван пишет с чужих слов, а не на основании ярких воспоминаний детства. Царь многословно бранит бояр за то, что они расхитили «лукавым умышлением» родительское достояние — казну. Больше всех достается Шуйским. У князя Ивана Шуйского, злословит Грозный, была единственная шуба и та на ветхих куницах — «то всем людям ведомо», как же мог он обзавестись золотыми и серебряными сосудами: чем сосуды ковать, лучше бы Шуйскому шубу переменить, а сосуды куют, когда есть лишние деньги.

Можно допустить, что при великокняжеском дворе были люди, толковавшие о шубах и утвари Шуйских. Но что мог знать обо всем этом десятилетний князь-сирота, находившийся под опекой Шуйских? Забота о сохранности родительского имущества пришла к нему, конечно же, в зрелом возрасте. О покаянии казны он узнал со слов «доброхотов» много лет спустя.

Иван на всю жизнь сохранил недоброе чувство к опекунам. В своих письмах он не скрывал раздражения против них. «Припомню одно, — писал Иван, — как, бывало, мы играем в детские игры, а князь Иван Шуйский сидит на лавке, опершись локтем о постель покойного отца, положив ноги на стул, а на нас и не смотрит». Среди словесной шелухи мелькнуло наконец живое воспоминание детства. Но как превратно оно

истолковано! Воскресив в памяти фигуру немощного старика, сошедшего вскоре в могилу, Иван начинает бранить опекуна за то, что тот сидел, не «преклоняясь» перед государем ни как родитель, ни как властелин, ни как слуга перед своим господином. «Кто же может перенести такую гордыню?» — этим вопросом завершает Грозный свой рассказ о правлении Шуйских.

Бывший друг царя Курбский, ознакомившись с его письмом, не мог удержаться от иронической реплики. Он высмеял неловкую попытку скомпрометировать бывших опекунов и попытался растолковать Ивану, сколь неприлично было писать «о постелях, о телогреях» (шубах Шуйских) и включать в свою эпистолию «иные бесчисленные яко бы неистовых баб басни».

Иван жаловался не только на обиды, но и на «неволю» своего детства. «Во всем воли несть, — сетовал он, — но вся не по своей воли и не по времени юности». Но можно ли было винить в том лукавых и прегордых бояр? В чинных великокняжеских покоях испокон веку витал дух Домостроя, а это значит, что жизнь во дворце подчинена была раз и навсегда установленному порядку. Мальчика короновали в три года, и с тех пор он должен был часами высиживать на долгих церемониях, послушно исполнять утомительные, бессмысленные в его глазах ритуалы, ради которых его ежедневно отрывали от увлекательных детских забав. Так было при жизни матери, так продолжалось и при опекунах.

По словам Курбского, бояре не посвящали Ивана в свои дела, но зорко следили за его привязанностями и спешили удалить из дворца возможных фаворитов. Со смертью последних опекунов система воспитания детей в великокняжеской семье неизбежно должна была измениться. Патриархальная строгость уступила место попустительству. Как говорил Курбский, наставники, «хваляше (Ивана), на свое горшее отрока учаше». В отроческие годы попустительство наносило воспитанию Ивана больший ущерб, чем мнимая грубость бояр.

Иван быстро развивался физически и в 13 лет выглядел сущим верзилой. Посольский приказ официально объявил за

рубежом, что великий государь «в мужеский возраст входит, а ростом совершенного человека уже есть, а з Божьею волею помышляет уже брачный закон принять». Дьяки довольно точно описали внешние приметы рослого юноши, но они напрасно приписывали ему степенные помыслы о женитьбе.

Современники с похвалой отзывались о том, что Иван «от юны версты (в юности) не любяше ни гуселнаго звяцания, ни прегудниц скрыпения... ни скомрах видимых бесов скакания и плясания». Как видно, в окружении подростка не оказалось людей, которые могли бы привить ему любовь к музыке или танцам. Что касается скоморохов, их попросту не допускали во дворец.

В 10–12 лет подросток очень мало напоминал прежнего мальчика, росшего в «неволе» и в строгости. Летописцы о многом умалчивали, коль скоро речь заходила о развлечениях молодого монарха. Недостающие сведения можно найти у Курбского.

Когда мальчик подрос, он предался потехам и играм, которых его лишали в детстве. Окружающих поражали буйство и неистовый нрав Ивана. Лет в 12 он забирался на островерхие терема и сталкивал «с стремнин высоких» кошек и собак, тварь бессловесную. В 14 лет он «начал человекoв ураняти». Кровавые забавы тешили «великого государя». Мальчишка отчаянно безобразничал. С ватагой сверстников — детьми знатных бояр — он носился по улицам и площадям столицы, топтал конями зазевавшихся прохожих, на рынках бил и грабил «всенародных человекoв, мужей и жен... скачюще и бегающе всюду неблагочинно».

Если верить Курбскому, от озорства Ивана страдали не одни простолюдины, сброшенные с крыши терема, но и знатные сверстники, товарищи его игр. Великий князь якобы велел задушить пятнадцатилетнего князя Михаила, сына служилого князя Богдана Трубецкого.

С кончиною опекунов и приближением совершеннолетия великого князя бояре все чаще стали впутывать мальчика в свои распри. Иван живо помнил, как в его присутствии про-

изошла потасовка в думе, когда Андрей Шуйский и его приверженцы бросились с кулаками на боярина Воронцова, стали бить его «по ланитам», оборвали на нем платье, «вынесли из избы да убить хотели» и «бояр в хребет толкали». Примерно через полгода после инцидента в думе один из «ласкателей» подучил великого князя казнить Андрея Шуйского. Псари набросились на боярина возле дворца у Курятных ворот. Убитый лежал наг в воротах два часа. «От тех мест, — записал летописец, — начали бояре от государя страх имети и послушание». Прошли долгие и долгие годы, прежде чем Иван IV добился послушания от бояр, пока же он сам стал орудием в руках придворных. Они, как писал Курбский, «начаша подущати его и мстити им (Иваном) свои недружбы, един против другого».

Примерно в одно время с кончиной последнего из опекунов умер «дядька» и воспитатель великого князя конюший Иван Иванович Челяднин. Старый уклад жизни в великокняжеской семье окончательно рухнул. Много позже Иван любил упрекать бояр, не сподобивших государей своих «никогo промышления добροхотного». Нас с единокровным братом Юрием, жаловался он, стали питать как иностранцев или же как «убожайшую чадь», как тогда пострадали мы «во одеянии и в алчбе»; сколько раз вовремя не давали нам поесть! Как же исчезли такие многие бедные страдания, каковые перестрадал я в юности? — патетически восклицал Иван. Несомненно, в его жалобах, как эхо, звучали живые воспоминания юности. Но вот вопрос: к каким годам они относились? Можно сказать почти наверняка, что ко времени, когда Иван избавился от всякой опеки и стал жить в «самовольстве». «Ласкающие пестуны», стараясь завоевать расположение мальчика, не слишком принуждали его к учению. Наказать его за безобразия или заставить вовремя поесть они попросту не могли.

Сведения о боярском правлении сообщают летописи, которые были составлены, когда царь Иван достиг зрелого возраста. Летописцы исходили из того, что после смерти Василия III единственным законным носителем высшей власти в государстве был монарх, независимо от его возраста. Надо ли

говорить, что власть находилась в руках бояр, правивших государством на основании закона, традиций и последней воли Василия III.

Боярская дума как учреждение окончательно сформировалась в конце XV в. при Иване III. При его малолетнем внуке «боярский синклит» стал выполнять функции высшего органа монархии впервые в полном объеме.

Борьба за власть в период боярского правления сосредоточилась на вопросе, кто будет осуществлять руководство думой. Главными соперниками были Бельские и Шуйские. Литовские выходцы Бельские получили удельные владения из рук монарха и зависели от него. Могущество коренной суздальской знати опиралось на наследственные земельные богатства.

Даже так называемый боярский «мятеж Шуйских» 1542 г. вовсе не был примером боярских беззаконий. Иван Бельский был отправлен в ссылку, а затем возвращен в столицу по решению Боярской думы, когда всевластие Шуйских вызвало недовольство бояр.

Бельскому не удалось сохранить поддержку думы, и он был вторично арестован «советом боярским». Под диктовку царя Ивана летописец вписал между строк имена бояр, выступивших против Бельского. То были боярин и дворецкий князь Иван Кубенский-Ярославский, его брат боярин Михаил, князь Дмитрий Палецкий-Стародубский, казначей Иван Третьяков-Головин.

До времени реформ Боярская дума не имела своей канцелярии, помимо канцелярий Дворцового и Казенного приказов. С возникновением системы приказов дума получила разветвленную канцелярию. Характерно, что в 1542 г. «советом бояр» руководили дворецкий Кубенский и казначей Третьяков-Головин. Арестованного Бельского посадили под арест на Казенном дворе.

Дума решила спешно вызвать из Владимира бояр Ивана и Андрея Шуйских и боярина Ивана Большого Шереметева. Решения думы были вполне законными, так как исходили от высшего органа государства.

По решению «боярского совета» Бельский был сослан в тюрьму на Белоозере. Вслед за тем его тайно умертвили, что было уже вопиющим произволом.

9 сентября 1543 г. Шуйские, Кубенские, Палецкий и их сторонники стали добиваться от Боярской думы решения об аресте Федора Воронцова. Защитники Воронцова обратились к великому князю. От его имени в думу к Шуйским дважды ходили митрополит Макарий и бояре Морозовы. Они не допустили казни Воронцова. Иван IV просил отослать опального в Коломну. Его ходатайство не было исполнено. Но Воронцов избежал кары и был сослан воеводой в Кострому. Прошло совсем немного времени, и его простили и даже произвели в бояре.

Иван IV сам подтвердил свою причастность к убийству князя Андрея Шуйского. Но ответственность за эту казнь лежала все же не на нем. Осведомленный летописец записал, что Шуйского убили псаря «повелением боярским».

Курбский считал сходными обстоятельства гибели Бельского и Шуйского. Оба боярина были казнены без розыска, предъявления обвинений и оглашения приговора на Лобном месте. Одного умертвили дети боярские, неизвестно кем посланные на Белоозеро, другого — псаря у дворца. Всю вину за их убиение Курбский возложил на Ивана по очевидной к нему вражде. В самом деле, митрополит, защищавший Бельского, бросился за помощью в комнату к великому князю. Там же прятался сторонник Бельского князь Петр Щенятев. (Его без шума вывели оттуда «задними дверьми».) Официальная летопись имела основание утверждать, что Бельского убили «без великого князя ведома».

До поры до времени участие князя Ивана IV в управлении государством было простой видимостью. Однако в его поведении появились новые черты. После убийства Андрея Шуйского он выехал на богомолье в Калязин монастырь в сопровождении «бояр множества». В четырнадцать лет монарх отправился в Троице-Сергиев монастырь, а оттуда через Ростов и Ярославль в Кирилло-Белозерский монастырь и окружав-

шие его обители: Ферапонтов, Корнильев-Комельский, Павлов-Обнорский монастыри. Путешествие было далеким и продолжалось несколько месяцев. Можно ли видеть в этом факте доказательство того, что Иван уже тогда проникся религиозным чувством? Может быть, он вспомнил о давнем путешествии в те же обители родителей, моливших Бога о рождении наследника? Допустимо более простое толкование.

Боярская дума не могла отказать великому князю, когда он просился в далекие края на богомолье. Лучшего предложения невозможно было придумать. В долгих богомольях Иван был избавлен от надоевших ему дворцовых церемоний, а кроме того, подросток мог удовлетворить пробудившуюся в нем тягу к странствиям. Попутно князь не отказывал себе в потехах: в густых лесах тешился медвежьей охотой и ловлей зверя.

Монахи, принимая государя, не чинились с ним. В Кириллов царь и его свита прибыли к ночи, когда монашеская трапеза закончилась и припасы были снесены в погреб. Монастырский подкеларник отказал в трапезе знатным московским гостям, сказав: «Государя боюся, а Бога надобе больше того бояться».